

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1886.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЯТНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1887.

ками съ другой, болѣе широкой точки зрѣнія. И если подобная провѣрка, подобный разборъ, сдѣланы будутъ съ должной осмотрительностью и внимательностью, то они не только не вызовутъ ни чьей улыбки, но даже заслужатъ полной благодарности. За примѣрами ходить приходится не далеко: достоянство и значеніе нѣкоторыхъ арабскихъ¹⁾ историковъ были гораздо лучше освѣщены историками, не знавшими по арабски, чѣмъ арабистами.

В. Р.

24. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Томъ сорокъ первый. Спб. 1884. XXII+558+82 стр. больш. 8^о.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи составляетъ отраженіе исконныхъ, многовѣковыхъ сопряженій нашего отечества съ азиатскими ордами, изъ коихъ наиболѣе видное мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, нашимъ бывшимъ порабитителямъ, татарамъ. Не смотря на многіе почтенные труды, касавшіеся и этой стороны нашего былого-прошлаго, все же еще довольно остается вопросовъ историческихъ и бытовыхъ, требующихъ дальнѣйшей разработки и изслѣдованія. Въ нашемъ языкѣ, официальномъ и обыденномъ, не мало элементовъ, ведущихъ свое происхожденіе изъ татарскаго источника, а такое явленіе не могло быть дѣломъ простой случайности: оно находится въ тѣсной связи съ фактами жизни и исторіи; а потому наиболѣе надежнымъ средствомъ уразумѣнія этихъ фактовъ будетъ обращаться къ вышеназванному источнику. Татарское племя, господствовавшее надъ русскимъ народомъ, давно сошло со сцены, занявъ второстепенное, подчиненное относительно этого народа, положеніе. вмѣстѣ съ этимъ время поглотило не мало памятниковъ прошлой жизни и исторіи татарской. У самихъ татаръ менѣе чѣмъ гдѣ-либо сохранилось такихъ памятниковъ, во всякомъ случаѣ несравненно менѣе чѣмъ въ произведеніяхъ дѣловой и литературной письменности русскихъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ официальные документы, вошедшіе въ составъ сорокъ перваго тома Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Правда, что и раньше кое-что изъ содержащагося въ этомъ томѣ матеріала было извѣстно по отрывочнымъ выдержкамъ въ трудахъ Карамзина, Вельяминова-Зернова и другихъ ученыхъ изслѣдователей, но по этимъ отрывкамъ нельзя было представить себѣ такой полной картины отношеній московскаго государства къ послѣдней отрасли Золотой Орды, къ Ордѣ

1) Ограничиваюсь указаніемъ на *арабскихъ* авторовъ потому, чтобы быть совершенно обезпеченнымъ отъ обвиненія въ томъ, что «разсуждаю съ большою развязностью о предметахъ, совершенно выходящихъ изъ сферы моей компетентности» (стр. XXXIV).

крымской въ періодъ 1474—1505 годовъ, какая раскрывается предъ нами въ цѣлой, если можно такъ выразиться, официальной эпопее, заключающейся въ названномъ томѣ Сборника. Подлинными документами переписки великокняжескаго двора съ крымско-ханскою канцеляріею рѣшаются нѣкоторые частные вопросы, доселѣ оставшіеся нерѣшенными и темными, напримѣръ объ окончательномъ утвержденіи Менглы-Герая I на ханствѣ, о конечной судьбѣ его брата и соперника Нуръ-Даулета. Съ помощію ихъ довольно ясно опредѣляется политическая роль Оттоманской Порты, взявшей въ свои руки верховенство надъ остатками нѣкогда могущественнаго государственнаго тѣла, принадлежавшаго родственному туркамъ племени татарскому, съ цѣлію эксплуатаціи этихъ остатковъ въ своихъ собственныхъ политическихъ разчетахъ. Тутъ мы находимъ въ русскихъ переводахъ памятники первыхъ сношеній московскаго государства съ Турціей (№ 50), турецкіе подлинники которыхъ на всегда и безвозвратно утрачены, если только они не откроются когда-нибудь въ непечатыхъ архивахъ Блистательной Порты. Нѣтъ бѣды въ томъ, что документы, вошедшіе въ сорокъ первый томъ Сборника, нѣсколько однообразнаго характера, что и естественно, такъ какъ они принадлежатъ къ одной категоріи дипломатическихъ грамотъ. Зато опредѣленность тона переписки сносившихся между собою сторонъ, со временемъ должна будетъ совершенно измѣнить установившійся въ ученой и учебной исторической литературѣ взглядъ на Крымское ханство какъ на грозную, могущественную силу, съ которой надо было серьезно бороться московскому государству для полнаго обезпеченія своей политической независимости. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, приписать простой только формальной вѣжливости тѣ мало что дружественныя, а, можно сказать, заискивающія обращенія членовъ царствовавшей въ Крыму татарской династіи и другихъ важныхъ и вліятельныхъ тамъ по положенію своему лицъ къ великому князю московскому, у котораго многія татарскія особы ханскаго рода, какъ мужчины такъ и женщины, подолгу проживали .то въ почетномъ плѣну (см. № 6), то просто въ гостяхъ (см. напр. № 42 и № 100). При грозномъ, притязательствующемъ на господство, какъ обыкновенно думаютъ, отношеніи Крымскаго юрта къ Москвѣ едва-ли мыслимы были сношенія по предметамъ частнаго, семейнаго свойства (№ 9 и 100), или частно-дѣловаго характера, связаннаго съ извѣстнаго рода взаимными и любезными услугами (Ibidem). Самое слово *дань*, которымъ принято именовать тѣ подачки, которыя снисходительно покровительственно дѣлались московскимъ дворомъ вельможеству Крымскаго юрта, должно быть совершенно оставлено: такъ мало признаковъ притязательной требовательности въ тонѣ ханскихъ грамотъ, въ которыхъ ханы и ихъ родичи печалуются

в. князю московскому на свои стѣсненные денежныя обстоятельства и просятъ, кланчатъ (не даромъ и самое слово *клянча* татарскаго же происхожденія) объ оказаніи имъ матеріальнаго пособія. Наконецъ множество татарскихъ собственныхъ именъ въ русской передѣлкѣ могутъ представлять довольно любопытный матеріалъ для чисто филологическихъ наблюдений надъ фонетическою природою русскаго языка, какъ она проявляется въ своеобразныхъ видоизмѣненіяхъ и искаженіяхъ словъ татарской формациі. Въ этихъ видахъ, намъ кажется, было бы лучше, если бы къ существующимъ указателямъ, личныхъ именъ и географическихъ, кстати уже присоднялся указатель всѣхъ словъ, заимствованныхъ русскими отъ татаръ, которыхъ не мало оказывается въ изданномъ томѣ Сборника; да и въ тѣхъ указателяхъ лучше бы не дѣлать сокращеній, въ видѣ пропуска именъ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ собственныхъ именъ существительныхъ, какъ, напримѣръ, *бурской* (стр. 409), *мазярской*, *ятыцкой* (265). Равнымъ образомъ не слѣдуетъ на будущее время пропускать и самыхъ собственныхъ именъ, какъ пропущено, напр., интересное имя *Кудайдатъ* (стр. 416, Нобосъ *Кудайдатовъ* сынъ, 524 Неболсу *Кудайдатова*). Между тѣмъ слова *Ареизъ* (правильнѣе: *реисъ* = «капитанъ корабля 409) и *Кервасара* (правильнѣе: караваль-сарай» = постоянный дворъ и складочный магазинъ для товаровъ), изъ коихъ первое помѣщено въ указателѣ собственныхъ именъ личныхъ, а второе — географическихъ, собственно говоря, не совсѣмъ-то по праву занимаютъ отведенныя имъ мѣста въ указателяхъ. Такимъ образомъ сорокъ первый томъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, обяываетъ всѣхъ, интересующихся тою стороною русской исторіи, какою она соприкасается съ нашимъ отечественнымъ орьентализмомъ, къ самой глубокой признательности и благодарности этому обществу и тѣмъ лицамъ, которые приняли на себя почтенный трудъ редактированія напечатанныхъ въ немъ документовъ, съ Г. О. Карповымъ во главѣ. Остается только желать, чтобы дѣло не остановилось на 1505 году, и чтобы мы въ недалекомъ будущемъ имѣли удовольствіе видѣть продолженіе этого во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго предпріятія.

В. С.

25. Dr. W. Solf, Die Kaçmir-Recension der Rañcâçikâ. Kiel. 1886. XXVI + 34 стр. 8°.

Новое тщательное изданіе извѣстной индійской поэмы съ переводомъ и критическимъ изслѣдованіемъ объ ея различныхъ изводахъ заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ любителей индійской поэзіи. Для русскихъ читателей индійская пѣсня угнетенной любви можетъ имѣть особливый интересъ: